

Куприн Александр Иванович

На покое

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович К.**
На покое: Рассказ / Куприн Александр Иванович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 52 с.

ISBN 978-5-519-91827-5

ISBN 978-5-519-91827-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Когда единственный сынъ купца 1 гильдіи Нила Овсянникова, послѣ долгихъ безпутныхъ скитаній изъ труппы въ труппу, умеръ отъ чахотки и пьянства въ на-ровчатской городской больницѣ, то отецъ, не только от-казывавшій сыну при его жизни въ помощи, но даже грозившій ему торжественнымъ проклятіемъ при отвер-стыхъ царскихъ вратахъ, основалъ въ годовщину его смерти «Убѣжище для престарѣлыхъ и немощныхъ ар-тистовъ, имени Алексѣя Ниловича Овсянникова». От-того ли, что учрежденіе это находилось въ глухомъ гу-бернскомъ городѣ, или по другимъ причинамъ, но жиль-цовъ въ немъ всегда бывало мало. Убѣжище помѣща-лось въ опустѣвшемъ барскомъ особнякѣ, всѣ комнаты котораго давнымъ-давно пришли въ ветхость, за исклю-ченіемъ громадной залы съ паркетнымъ поломъ, вене-ціанскими окнами и бѣлыми крашенными известкой, кривыми отъ времени колоннами. Въ этой залѣ и юти-

лись осенью 1899-го года пятеро старыхъ, бездомныхъ актеровъ, загнанныхъ сюда нуждой и болѣзнями.

Посрединѣ зала стоитъ овальный обѣденный столъ, обтянутый желтой, подъ мраморъ, клеенкой, а у стѣнъ между колоннами размѣщались кровати, и около каждой по шкапчику, совершенно такъ же, какъ это заведено въ больницахъ и пансіонахъ. Венеціанскихъ оконъ никогда не отворяли, изъ боязни сквозняка, отъ этого въ комнатѣ прочно установился запахъ нечистоплотной, холостой старости,—запахъ застоявшагося табачнаго дыма, грязнаго бѣлья и больницы. Вверху, между стѣнами и потолкомъ, всегда висѣла сѣрая, пыльная бахрома проплотившей паутины.

Лучшимъ мѣстомъ считался уголъ около большой голландской печи, старинные изразцы которой были разрисованы синими тюльпанами. Здѣсь зимой бывало очень тепло, а широкая печь, отгораживая съ одной стороны кровать, придавала ей до нѣкоторой степени видъ отдѣльнаго жилья. Въ этомъ привилегированномъ мѣстѣ устроился самый давній обитатель Овсянниковскаго дома, бывшій опереточный теноръ Лидинъ-Байдаровъ, слабоумный, тупой и необыкновенно спесивый мужчина, съ трудомъ носившій на тонкихъ, изуродованныхъ подагрой ногахъ свое грузное и немощное тѣло. Попадъ въ убѣжище съ самаго дня его основанія, онъ держалъ себя въ немъ хозяиномъ, и первый далъ тонъ сквернымъ анекдотамъ и циничнымъ ругательствамъ, никогда не прекращавшимся въ общихъ разговорахъ. Онъ же покрывалъ бѣлыя колонны залы и стѣны уборной тѣми

гнусными рисунками и омерзительными изреченіями въ стихахъ и прозѣ, на которые было неистощимо его болѣзненное воображеніе тайнаго эротомана.

По другую сторону печи, ближе къ окнамъ, помѣщался бывшій суфлеръ Иванъ Степановичъ,—плѣшивый, беззубый сморщенный старикашка. Въ былыя времена весь театральнй міръ звалъ его фамиллярно «Стаканычемъ»: это прозвище сохранилось за нимъ и въ убѣжищѣ. Стаканычъ былъ человѣкъ кроткій, набожный, сильно глуховатый на оба уха и, какъ всѣ глухіе, застѣнчивый. Ежедневно, по нѣскольку разъ, Лидинъ-Байдаровъ развлекался тѣмъ, что, сохраняя на лицѣ озабоченное выраженіе, говорилъ старому суфлеру издали всякія сальности, на что Стаканычъ улыбался ласковой смущенной улыбкой, торопливо кивалъ головой и отвѣчалъ невпопадъ, къ великому удовольствію бывшаго опереточнаго премьера, которому эта шутка никогда не надѣдала.

Съ утра до вечера Стаканычъ мастерилъ изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, тонкой проволоки и бисеру какія-то удивительно-хитрыя коробочки. Разъ или два въ годъ онъ отсылалъ ихъ партіями своему сыну Васѣ, служившему гдѣ-то въ уѣздномъ театрѣ, на «выходахъ». Если же онъ не клеилъ коробочекъ, то раскладывалъ на своей кровати пасьянсы, которыхъ зналъ чрезвычайно много.

По ту же сторону, но совсѣмъ у оконъ, обиталъ старый трагикъ Славяновъ-Райскій. Изъ всѣхъ пятерыхъ онъ одинъ пользовался нѣкогда широкой и шумной извѣстностью. Въ продолженіе семи лѣтъ его имя напе-

чатанное на афишахъ аршинными буквами, гремѣло по всѣмъ провинціальнымъ городамъ Россіи. Но черезъ годъ послѣ его утарнаго заката публика и печать сразу и совершенно позабыли о немъ. За кулисами, впрочемъ, старыя актеры долго еще вспоминали о небывалыхъ и безумныхъ успѣхахъ его гастролей, о бѣшенныхъ деньгахъ, которыя онъ разбрасывалъ въ своихъ легендарныхъ кутежахъ, и о скандалахъ и дракахъ, которые онъ устраивалъ въ каждомъ городѣ.

Съ товарищами по общежитію Славяновъ-Райскій держался надменно и былъ презрительно неразговорчивъ. По цѣлымъ днямъ онъ лежалъ на кровати, молчалъ и безъ перерыва курилъ огромныя самодѣльные папирасы. Иногда же, внезапно вскочивъ, онъ принимался ходить взадъ и впередъ по залѣ, отъ оконъ къ дверямъ и обратно, мелкими и быстрыми шагами. И во время этой лихорадочной бѣготни онъ дѣлалъ руками передъ лицомъ короткія негодующія движенія и отрывисто бормоталъ непонятныя фразы...

Напротивъ стояла кровать «дѣдушки», котораго, такъ же, какъ и Стаканыча, весь актерскій міръ зналъ больше по этому прозвищу, чѣмъ по фамиліи. Уже цѣлыхъ три мѣсяца дѣдушка не вставалъ съ постели и, обросшій бѣлыми мягкими длинными волосами, лежалъ изсохшій и благообразный, напоминая въ своей бѣлой рубашкѣ иконописное изображеніе отходящаго угодника. Онъ говорилъ мало, съ передышками, глухимъ и тонкимъ старческимъ голосомъ и съ такимъ трудомъ, какъ-будто бы стоналъ на каждомъ словѣ. У него болѣ-

ла грудь, но кашлять, по-настоящему, ему было трудно, и онъ только кряхтѣлъ слабо и жалобно. Дѣдушка былъ очень старъ, вѣроятно, старше всѣхъ современныхъ русскихъ актеровъ. Въ прежнее же время онъ былъ извѣстенъ во многихъ труппахъ, какъ хорошій актеръ на амбуа резонеровъ и дѣльный грамотный режиссеръ.

Пятымъ и послѣднимъ обитателемъ убѣжища былъ комическій актеръ Михаленко,—раздутый водянкой, задыхающійся отъ астмы циникъ. Хрипя, еле переводя дыханіе, съ трудомъ выжимая изъ своей оплывшей груди слова, онъ, едва, проснувшись, принимался браниться съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и прекращалъ это занятіе, только ложась вечеромъ въ постель. Языкъ у него былъ острый, злой и безпощадно, по-актерски, грубый. Въ немъ вѣчно кишѣла завистливая, истерическая злоба, заставлявшая его интриговать, сплетничать и писать на своихъ товарищей нелѣпыя анонимные доносы попечителямъ убѣжища. Въ сквернословіи Михаленко состоялся съ Лидинымъ-Байдаровымъ, уступая опереточному тенору въ изумительной способности изобрѣтать и сплетать между собою самыя невѣроятныя гнусности, но превосходя его злой и мѣткой язвительностью. Живая память сохранила ему неизсякаемый запасъ мерзостей закулисной жизни: любовныхъ связей, скандаловъ, дракъ, неудачъ и преступленій. Ссорясь съ сосѣдями, онъ умѣлъ извлекать изъ ихъ театральнаго прошлаго наиболѣе постыдныя, наиболѣе чувствительныя страницы и такъ разрисовывалъ ихъ своимъ циничнымъ юморомъ, что за нимъ всегда оставалось послѣднее слово.

Одинъ глазъ у него былъ вставной,—тусклый, маленькій и слезливый, зато здоровый—огромнымъ голубымъ шаромъ вылъзалъ изъ своей орбиты и всегда носилъ разгнѣванное выраженіе.

Жизнь въ убѣжищѣ текла однообразно и скучно. Просыпались актеры очень рано, зимою задолго до свѣта, и тотчасъ же, въ ожиданіи чая, еще не умывшись, принимались курить. Со сна всѣ чувствовали себя злыми и обезсилѣвшими и кашляли утреннимъ старческимъ, давящимся кашлемъ. И такъ какъ въ этой убогой жизни неизмѣнно повторялись не только дни, но и слова, и жесты, то всякій заранѣе ждалъ, что Михаленко задыхаясь и откашливаясь, непременно скажетъ старую остроту:

— Вотъ это настоящій акцизный кашель!..

А дѣдушка, знавшій когда-то иностранные языки и до сихъ поръ не упускавшій случая хвастнуть этимъ, прибавлялъ своимъ стонущимъ фальцетомъ:

— Bierhusten. Это у нѣмцевъ называется Bierhusten. Пивной кашель...

Потомъ служившій при убѣжищѣ отставной николаевскій солдатъ Тихонъ приносилъ кипятокъ и неизмѣнныя сайки. Актеры заваривали чайники и уносили ихъ къ своимъ столикамъ. Пили чай очень долго и помногу, пили съ кряхтѣніемъ и вздохами, но молча. После чая рассказывали сны и толковали ихъ: видѣть рѣку означало близкую дорогу, вши и грязь предвѣщали неожиданныя деньги, мертвецъ — дурную погоду. Сновидѣнья Лидина-Байдарова всегда заключали въ себѣ какую-нибудь сладострастную пакость. Затѣмъ шло на

цѣлый день лежанье на грязныхъ, всклокоченныхъ постеляхъ съ неприбранными, засаленными одѣялами. Отъ скуки и бездѣлья курили страшно много. Иногда посылали Тихона за газетой, но читали ее только двое: Михаленко, ревниво слѣдившій до сихъ поръ за именами бывшихъ товарищей по сценѣ, и Стаканычъ, котораго больше всего интересовали описанія грабежей, столкновений поѣздовъ и военныхъ парадовъ. Дѣдушка плохо видѣлъ и потому просилъ изрѣдка почитать себѣ вслухъ. Но изъ этого мало выходило толку; беззубый суфлеръ шепелявилъ, брызгалъ слюной, и у него нельзя было разобрать ни слова, а Михаленко, читая, придѣлывалъ къ каждой фразѣ такія непристойныя окончанія, что дѣдушка въ концѣ-концовъ махалъ рукою и говорилъ сердито:

— Ну, пошелъ врать, дуракъ. Эка мелеть малево!.. Уходи, не хочу слушать.

Разговаривали рѣдко, но подолгу, и всегда кончали ссорой и уличали другъ друга въ лганьѣ. Въ большомъ ходу были анекдоты, при чемъ у каждого обозначалась своя область... Стаканычъ, который происходилъ изъ духовнаго званія, умѣлъ рассказывать про семинаристовъ, поповъ и архіереевъ; Михаленко былъ неистощимъ въ закулисныхъ исторіяхъ и помнилъ наизусть безчисленное множество неприличныхъ стихотворныхъ эпиграммъ, приписываемыхъ Ленскому, Милославскому, Каратыгину и другимъ актерамъ; Байдаровъ говорилъ противуестественныя и совершенно нелѣпыя гадости о женщинахъ. Впрочемъ, на послѣднюю тему всѣ они, не исключая набожнаго Стаканыча и не встававшего съ постели

дѣдушки, любили поговорить, и ихъ собственное безсиліе, ихъ физическая и душевная немощь придавали этимъ разговорамъ уродливый и страшный характеръ. Ни разу, хотя бы случайно, ни одинъ изъ нихъ не упомянулъ приличнымъ словомъ женщину, какъ мать, жену или сестру; женщина была въ ихъ представленіи исключительно самкой,—красивымъ, лукавымъ, и безобразно похотливымъ животнымъ.

Иногда актеры вспоминали и свои собственные театральныя приключенія. Михаленко называлъ это «кислыми рассказами изъ прежней жизни». И, сами не замѣчая, они передавали одинъ и тотъ же эпизодъ по нѣскольку разъ въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ одинаковыми жестами и интонаціями; даже цѣплялись у нихъ анекдоты и кислые рассказы одинъ за другой все въ томъ же порядкѣ, по однимъ и тѣмъ же ассоціаціямъ мыслей. Отъ этого часто случалось, что, проговоривъ часъ или два подъ рядъ, актеры вдругъ ощущали вмѣстѣ съ усталостью и скукой чувство нестерпимаго отвращенія къ самимъ себѣ и къ своимъ сожителямъ.

Для нихъ не было ничего святого. Всѣ они, не переставая, богохульствовали, и даже полумертвый дѣдушка любилъ рассказывать очень длинный и запутанный анекдотъ, гдѣ Авраамъ и три странника у дуба Мамврійскаго играли въ карты и совершали разные неприличные вещи. Но по ночамъ, во время тоскливой старческой бессонницы, когда такъ назойливо лѣзли въ голову мысли о безтолково прожитой жизни, о собственномъ немощномъ одиночествѣ, о близкой смерти,—актеры горячо

и трусливо вѣровали въ Бога и въ ангеловъ-хранителей, и въ святыхъ чудотворцевъ и крестились тайкомъ подъ одѣяломъ и шептали дикія импровизированныя молитвы. Утромъ вмѣстѣ съ ночными страхами проходила и вѣра. Одинъ только Стаканычъ былъ сдержаннѣе и послѣдовательнѣе другихъ. Онъ даже пробовалъ когда-то, вставши съ постели, торопливо, украдкой, креститься на образъ, но каждый разъ ему мѣшалъ Михаленко, который, стоя за нимъ, шутовски кланялся, размахивалъ правой рукой, какъ-будто въ ней было кадило, и хриплымъ дьячковскимъ басомъ вытягивалъ:

— Паки и паки, съѣли попа собаки, если бы не дьячки, разорвали бы въ клочки...

Въ два часа актеры обѣдали и за обѣдомъ неизмѣнно ругали непечатной бранью основателя убѣжища купца I гильдіи Овсянникова. Прислуживалъ имъ все тотъ же солдатъ Тихонъ; его огорчало, что господа говорятъ за столомъ гадости, и иногда онъ пробовалъ остановить Михаленку, который былъ на языкъ невоздержаннѣе прочихъ:

— Не выражались бы вы, господинъ Михаленко. Кажется, образованный человѣкъ, а такія послѣднія слова за хлѣбомъ-солью... Совсѣмъ даже некрасиво.

Послѣ обѣда актеры спали тяжелымъ нездоровымъ сномъ, съ храпѣньемъ и стонами, спали очень долго, часа по четыре, и просыпались только къ вечернему чаю, съ налитыми кровью глазами, со сквернымъ вкусомъ во рту, съ шумомъ въ ушахъ и съ вялымъ тѣломъ. Во время сна они отлеживали себѣ руки, ноги и даже головы и,

вставши съ кроватей, шатались, какъ пьяные, и долго не могли сообразить, утро теперь или вечеръ. Послѣ чая опять лежали, курили и рассказывали анекдоты. Часто играли въ карты,—въ пикетъ и въ шестьдесятъ шесть,—и непремѣнно на деньги, а проигрышъ приписывали къ старымъ карточнымъ долгамъ, которые иногда достигали десятковъ тысячъ рублей. Удивительнѣе всего было то, что всѣ они не переставали вѣрить въ свое будущее: пройдетъ сама собою болѣзнь, подвернется ангажементъ, найдутся старые товарищи, и опять начнется веселая, прятная актерская жизнь. Поэтому-то они и хранили, какъ святыню, въ глубинѣ своихъ спальныхъ шкапчиковъ старыя афиши и газетныя вырѣзки, на которыхъ стояли ихъ имена.

Въ 8 часовъ подавали ужинъ, состоявшій изъ разогрѣтыхъ остатковъ отъ обѣда. Тотчасъ же послѣ ужина актеры раздѣвались и укладывались спать. Но засыпали не скоро. Долго всѣ пятеро ворочались на своихъ кроватяхъ, и это было самое мучительное время сутокъ. Сильнѣе давали о себѣ знать старыя, запущенныя болѣзни, нельзя было отогнать печальныхъ и ядовитыхъ мыслей о прошломъ, оскорбительнѣе чувствовалось убожество настоящей жизни. Но страшнѣе всего было думать о томъ, что, быть можетъ, одинъ изъ сосѣдей тихо, незаметно ни для кого, уже умеръ среди этой ночи и будетъ лежать до самаго утра молчаливый, таинственный, ужасный. И актеры по нѣскольку разъ въ ночь окликали другъ друга, спрашивая дрожащими и кроткими голосами, который часъ, или прося одолжить спич-